

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Наука и Жизнь,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

НАУКИ, ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ.

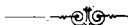
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Ф. С. ГРУЗДЕВА.

ТОМЪ II.

(Май—Августъ)

1904 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія Ф. Вайсберга и П. Гармунина, Влательнической кан., № 71—6.

1904.

ПѢВЕЦЪ СУМЕРЕЧНЫХЪ ДНЕЙ

(Памяти А. П. Чехова).

Николая Васильева.

17 января 1860 года, почти ровно за 14 мѣсяцевъ до паденія крѣпостного права, въ городѣ Таганрогѣ, въ семьѣ небогатаго купца, родился одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей современной русской литературы Антонъ Павловичъ Чеховъ. Отецъ его былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ счастливыхъ, которые, не смотря на всѣ тяжелыя условія крѣпостного режима, умѣли совершенно самостоятельно, благодаря ли природному уму, смѣтливости и силѣ воли или-же только исключительно благопріятнымъ обстоятельствамъ, сбросить съ себя крѣпостныя цѣпи и выйти, какъ у насъ принято говорить, „въ люди“. И, дѣйствительно, крѣпостной крестьянинъ одного изъ воронежскихъ помѣщиковъ, онъ нашель возможность выкупиться на волю, служилъ управляющимъ, а потомъ велъ свои собственные дѣла. Великій бытописатель сумеречныхъ дней „конца вѣка“ росъ и воспитывался, такимъ образомъ, не въ экзотической или чиновничьей семьѣ, — какъ это сплошь и рядомъ бываетъ въ такихъ русскихъ семьяхъ, — безалаберной и беспочвенной, то теоретически-либеральной, то теоретически-

консервативной, вообще соотвѣтственно не столько съ своими убѣжденіями, часто весьма неглубокими, сколько подъ вліяніемъ господствующихъ въ обществѣ и тѣмъ болѣе „въ верхахъ“ настроеній. Горька шестидесятихъ годовъ съ ихъ великими реформами и общественнымъ оживленіемъ мало и даже почти не отразилась на строѣ жизни семьи Антона Павловича, какъ и въ большинствѣ подобныхъ мѣщанскихъ семей того времени, тѣмъ болѣе, что только что недавно, почти накануне освобожденія, переобувавшихся, такъ сказать, изъ мужицкихъ лаптей въ городскіе сапоги.... Конечно, здѣсь то же говорили о волѣ, истово осѣняли себя крестнымъ знаменемъ, по случаю совершившагося великаго событія, но никакими теоріями не задавались, а жили твердо и неуклонно по старинѣ, согласно выработанному вѣками укладу. Во всякомъ случаѣ, шестидесятые годы и начало семидесятихъ съ ихъ спорами, страстями и крайностями, нерѣдко приводившими къ серьезнымъ семейнымъ разладамъ, не оказали почти никакого вліянія на отроческія впечатлѣнія талантливаго мальчика. Въ одну изъ рѣдкихъ и

случайных моих встрѣчъ съ Антономъ Павловичемъ я какъ-то высказалъ ему, что „эпоху великихъ реформъ“ я хотя и не пережилъ да и не могъ пережить, по младости моихъ лѣтъ въ то время, а между тѣмъ отраженія этой эпохи въ той обстановкѣ, въ которой я росъ, можно сказать, такъ безпризорно, уже съ ранняго дѣтства посѣяли въ моемъ представленіи такія сѣмена, отъ которыхъ я никогда не могу отрѣшиться и что, напротивъ, съ накопленіемъ знанія, опыта и наблюденія жизни, они все шире и глубже врастаютъ въ мое мировоззрѣніе, такъ что ни одного явленія нашей дѣйствительности я не представляю себѣ внѣ связи съ этимъ великимъ періодомъ нашей исторіи.

— Отраженія! Настроенія! Впечатлѣнія! Какъ это интеллигентно, но и какъ нездорово, особенно въ дѣтскіе годы и при полномъ отсутствіи строго систематическаго воспитанія!—съ улыбкой сказалъ Антонъ Павловичъ.—Я, хотя по лѣтамъ вамъ и сверстникъ, но многихъ подобныхъ „отраженій“ не помню, хотя въ дѣтствѣ и не мало слышивалъ разговоры старшихъ о волѣ, о крѣпостныхъ временахъ, а также и о томъ, что теперь надо учиться, чтобы зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, но учась не забывать и Бога.... Не стану, впрочемъ, вдаваться въ разборъ и анализъ. Можетъ быть, это хорошо, а можетъ быть и не хорошо.... Я—мужикъ и росъ въ простой семьѣ, гдѣ труднились, учили трудиться и требовали прежде всего труда, и я глубоко благодаренъ этому строгому воспитанію, дававшему мнѣ навѣкъ и любовь къ труду.

— Что-же касается собственно эпохи великихъ реформъ,—продолжалъ Антонъ Павловичъ,—то я ознакомился съ ея сущностью едва-ли только не на студенческой скамьѣ, да и то довольно поверхностно, и тогда лишь, когда начался крутой

„поворотъ отъ воротъ“, я глубоко понялъ и оцѣнилъ все ея значеніе...

И, дѣйствительно, Чеховъ росъ въ физически и нравственно здоровой, патриархальной и дѣловой семьѣ, гдѣ упорный трудъ за семейное благосостояніе перемежался съ короткимъ благолѣпнымъ отдыхомъ и проявленіемъ строго-православиаго благочестія. Религіозный отецъ не пропускалъ ни-одной церковной службы и постоянно бралъ въ церковь и своихъ дѣтей. Будучи гимназистомъ, Антонъ Павловичъ пѣлъ даже въ церковномъ хорѣ. При такомъ несомнѣнно старинномъ воспитаніи, отецъ Чехова, какъ человекъ съ природнымъ умомъ, къ тому-же чуткій, вѣроятно, совершенно инстинктивно, къ запросамъ жизни,—явленіе весьма нерѣдкое среди простыхъ русскихъ людей, вышедшихъ собственными силами на самостоятельную дорогу,—прекрасно сознавалъ необходимость дать образованіе своимъ дѣтямъ, хотя и своеобразно, въ тонѣ съ усвоенными имъ взглядами, понимая его значеніе, какъ источникъ преимущественно будущаго ихъ матерьяльнаго обезпеченія. И вотъ мы видимъ, что семья этого „строгаго“ стариннаго покроя и стоявшаго исключительно на практической почвѣ отца дала русскому обществу, кромѣ такого высоко-талантливаго и всемірно-прославившагося писателя, какъ А. П. Чеховъ, еще художника Николая Чехова и литератора А. Сѣдого (Александра Павловича), лицъ такихъ профессій, которыя старинный „мужицкій“ обиходъ мало, а то и вовсе не зналъ и уже, во всякомъ случаѣ, не признавалъ за „серьезное дѣло“...

Я думаю, что въ этомъ кажущемся несоотвѣтствіи ничего нѣтъ страннаго.

Прежде всего Чеховская семья была талантлива по природѣ. Вторыхъ, „строгость“ главы семейства, относясь къ дѣтямъ любовно и заботливо, не подавляла ихъ ин-

дивидуальности, а наоборотъ давала имъ положительное воспитаніе, основанное на трудовомъ закалѣ, на любви къ труду, т. е. на томъ великомъ созидающемъ факторѣ жнзни, который, при нормальныхъ условіяхъ, воспитываетъ если не человѣка идеи, то, во всякомъ случаѣ, человѣка труда. А это уже плюсъ, такъ какъ человѣкъ труда легче добьется самостоятельности, и при наличности послѣдней, при доброй волѣ, при умственныхъ запасахъ, станетъ и человѣкомъ идеи. Ему лишь нужно „постигнуть“, „познать“, а затѣмъ уже онъ по познанному пути сумѣетъ пойти самостоятельно и за это „познанное“ сумѣетъ и постоять. Онъ неотвѣченный, прекраснѣшій мечтатель, получившій „идеи“ уже въ разработанномъ видѣ, по наслѣдству, даромъ, а потому и легко могущій если не отступить отъ нихъ при первыхъ же натискахъ враждебныхъ имъ силъ, то, во всякомъ случаѣ, безнадежно опустить руки и зануть.... Нѣтъ, онъ получилъ ихъ не даромъ, а какъ и все въ жизни, трудомъ; заработанное же трудомъ не отдается безъ упорнаго боя. Понятно, что люди такого закала не летаютъ сразу сизымъ орломъ по поднебесью, они, какъ учащіеся отъ жизни, постепенно познаютъ, а познавъ, твердо идутъ по опредѣленному пути, не уклоняясь въ сторону безъ причинъ, не осмысленныхъ всюю мощью ихъ познанія.

Антонъ Павловичъ учился сначала въ греческой школѣ въ Таганрогѣ, потомъ въ мѣстной гимназіи и, наконецъ, окончилъ курсъ врачомъ на медицинскомъ факультетѣ московскаго университета. Такимъ образомъ, онъ былъ безусловно и въ полномъ смыслѣ образованнымъ человѣкомъ, и тѣмъ не менѣе есть что-то, что роднитъ его съ Максимомъ Горькимъ, человѣкомъ, какъ извѣстно, учившимся на мѣдныхъ деньгахъ. Онъ, сынъ таганрогскаго мѣшанина, какъ и сынъ кунавнинскаго красильщика, вышелъ изъ

пренебреженныхъ „низовъ“ общества, невѣжественныхъ, почти постоянно бѣдствующихъ, но въ которыхъ, какъ свидѣлствуютъ многочисленные признаки, таятся неистощимые животно-исходники, способности, когда придетъ время, освѣжить затхлую, застоявшуюся жнзнь. Тамъ — горя полная чаша, тамъ вольный и тѣмъ болѣе невольный „грѣхъ“ на каждомъ шагѣ, но тамъ есть трудъ, тяжелый, нерѣдко каторжный, часто проклинаемый, но тѣмъ не менѣе въ глубинѣ души любимый, какъ животворящая сила, какъ орудіе возможнаго отрѣшенія отъ „грѣха“ и не менѣе возможнаго возрожденія къ жизни „по Божьи“, по правдѣ-справедливости. Конечно, Чеховъ не переживалъ того ужаса жизни, который омрачилъ и отрочество, и юность „пѣвца босячества“, ни по темпераменту, ни по характеру творчества между ними, можно сказать, ничего нѣтъ общаго; рѣшительный, раздражительный и грубоватый Горькій — прямой диссонансъ съ меланхолическимъ и женственно-мягкимъ Чеховымъ, но обоимъ ихъ дала русской литературы и русскому обществу трудовая колея пробуждающихся „низовъ“, виушившая имъ вѣру въ трудъ, любовь къ нему, повелѣвшая имъ идти изъ своего устарѣвшаго обихода на поиски новыхъ формъ жизни, но идти осторожно, съ разумной недовѣрчивостію къ вишности и словамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ глубокой вдумчивостію въ факты окружающей жизни. Они „ходоки“ „низовъ“, ничего не получившіе даромъ, а все взявшіе упорнымъ трудомъ. Въ большей или меньшей степени свое міровоззрѣніе они, конечно, заимствовали изъ существующихъ въ интеллигентномъ обществѣ теченій, но каждый изъ нихъ, постепенно, не безъ тяжелой ломки, это заимствованное провелъ сквозь свой внутренній фильтръ и, прежде чѣмъ окончательно признать его своимъ, оцѣнилъ еще его съ точки

зрѣнія истинныхъ нуждъ и потребностей пославшихъ ихъ на поиски „низовъ“. И съ желчнымъ гнѣвомъ обнажилъ передъ изумленнымъ обществомъ Максимъ Горькій „дно“ и демонстрировалъ передъ нимъ „бывшихъ людей“, а Антонъ Чеховъ съ тихой грустью соболѣзнованія показалъ тому-же обществу „лишнихъ людей“, утопающихъ въ пошлости, въ безволии, въ бездѣтельной тоскѣ...

На литературное поприще Антонъ Павловичъ выступилъ еще студентомъ въ 1879 году съ рядомъ мелкихъ фельетонныхъ рассказиковъ и очерковъ сначала въ „Стрекозѣ“, „Будильникѣ“ и „Осколкахъ“, а затѣмъ въ „Петербургской Газетѣ“ и „Новомъ Времени“ подъ псевдонимомъ Чехонте.

Однѣ изъ товарищей Чехова по таганрогской гимназiи объясняютъ происхождение этого юмористическаго псевдонима тѣмъ, что „Антошей Чехонте“ покойнаго писателя называлъ гимназическій батюшка, преподаватель Закона Божія, о. протоіерей Покровскій, имѣвшій обыкновеніе давать прозвища всѣмъ ученикамъ, которые такъ и именовались на его урокахъ въ теченіе всего гимназическаго курса.

— Чехонте! — растягивая баскомъ по слогамъ, обыкновенно вызывалъ отецъ Покровскій Чехова отвѣчать урокъ...

Таково происхождение псевдонима знаменитаго писателя; не менѣе случайно и начало его литературной дѣятельности.

Родители Чехова, на рукахъ которыхъ были еще сыновья и дочь, жили довольно бѣдно, и Антона Павловича ужасно огорчало то обстоятельство, что онъ не можетъ ничѣмъ помочь имъ... Но къ счастью его семьи, а такимъ образомъ и русской литературы, выручилъ... именитый пирогъ!...

Приближался день ангела его матери, а между тѣмъ семья до того въ это время нуждалась, что не было даже незначительной суммы

денегъ на традиционный именитый пирогъ. Антона Павловича, не менѣе другихъ членовъ семьи огорчавшагося такимъ затрудненіемъ, вдругъ осянула счастливая мысль набросать маленькій рассказикъ и снести его въ какую-либо редакцію, — авось, напечатаютъ!... Задумано, сдѣлано. Антонъ Павловичъ написалъ рассказъ и отнесъ его, кажется, въ „Будильникъ“. Рассказъ былъ напечатанъ, и на полученные нѣсколько рублей были справлены именитыя матери. Съ этого времени Чеховъ становится кормильцемъ своей семьи, а маленькіе, весьма изящные юмористическіе очерки Чехонте то и дѣло начинаютъ украшать страницы нашихъ сатирическихъ журналовъ. Все это были невинныя бездѣлушки, не претендующія ни на идейность, ни даже на художественность, но въ нихъ уже чувствовалось, если можно такъ выразиться, дыханіе таланта.

Въ это-то время я, только-что начавшій работать въ печати, состоя въ качествѣ провинціальнаго корреспондента столичныхъ газетъ, а потомъ и московскаго репортера, впервые познакомился съ Чеховымъ. Встрѣтившись съ нимъ въ одномъ литературномъ семействѣ и узнавъ, что онъ тотъ самый Чехонте, который въ „Осколкахъ“ обличаетъ „березовую кашу“, я крѣпко и сочувственно пожалъ ему руку. Эти нанвинныя обличенія такъ гармонировали моему тогдашнему юному настроенію!

Однако, я нимало не предполагалъ, что изъ „осторожнаго“ обличителя „березовой каши“ и пѣвца „колокольчиковъ“ создастся Чеховъ, авторъ „Леди Вани“, „Чайки“, „Трехъ сестеръ“ и „Вишневаго Сада“.

Въ то время это былъ жизнерадостный юноша, жаждавшій жить и только жить, а если и работать, то только исключительно для тѣхъ же радостей жизни и въ самомъ лучшемъ случаѣ — для благосостоянія своей семьи. Все общественное,

глубоко-злободневное, такъ сильно волновавшее въ тѣ дни меня и моихъ сверстниковъ, казалось, было ему чуждо, такъ-что послѣ третьей встрѣчи я невольно почувствовалъ къ Антону Павловичу нѣкоторый холодокъ. Его жизнерадостность казалось мнѣ по тому временн и по тогдашнему моему настроенію чуть не преступленіемъ...

— Можетъ быть, Чеховъ и острый, но безыдейный человѣкъ! — отзывался я о немъ въ средѣ знакомой мнѣ „идеиной“ молодежи.

И эти знакомые охотно вторгли мнѣ, — да, впрочемъ, то-же самое въ скоромъ послѣ этого временн сказала о произведеніяхъ Чехова и наша передовая критика, хотя-бы въ лицѣ лидера русскаго либерализма 70-хъ годовъ, Н. К. Михайловскаго.

Впрочемъ, и самъ Антонъ Павловичъ въ началѣ своей литературной дѣятельности мало придавалъ значенія своимъ работамъ. Его семья нуждалась, ему и самому нужно жить, — и вотъ онъ работалъ, благо, что попался такой трудъ, который былъ ему по плечу, не бралъ много времени и вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ гораздо больше заработка, чѣмъ, напр., бѣганье по урокамъ изъ одного конца въ другой громадной столицы. И онъ, чтобы заработать какъ можно больше, писалъ вездѣ, гдѣ только принимали его статейки, писалъ много и быстро, многоходомъ, какъ говорится, скандачка, однимъ словомъ, такъ, какъ пишутъ современные безпринципные газетные журналисты въ нашихъ обихъ столицахъ, пресмыкающіеся передъ издателями и наколачивающіе пятаки и гривенники, чтобы не только жить прилично, какъ подобаетъ интеллигентному человѣку, но чтобы и не отстать отъ обихода столичнаго буржуазнаго строя, то есть имѣть нѣкоторый достатокъ презрѣннаго металла на театр, на женщинъ, на винтъ, на веселое времяпрепровожденіе въ увеселительныхъ садахъ и отдѣльных кабинетахъ ресторановъ, по

крайней мѣрѣ, не ниже Мильбрета и Тѣстова...

Какія ужъ тутъ идеи и принципы, когда человѣкъ, помню куска насущнаго хлѣба для себя и своей семьи, стремится еще и „жить“, какъ „живутъ“ такъ называемые „порядочные люди“!..

Впрочемъ, Антонъ Павловичъ Чеховъ, даже въ началѣ своей литературной дѣятельности былъ далекъ отъ образа жизни газетныхъ трезоровъ, то ласкающихся, то кусающихся по издательской указкѣ...

Однако, условія существованія нерѣдко приближали его. „въ дни туманной юности“, къ этой мути, но Чехова спасли отъ такого ложнаго пути столь могущественные факторы, какъ наслѣдственная честность человѣка изъ народа, трудовое воспитаніе и, наконецъ, громадный, мощный талантъ.

Въ сущности, мы, его сверстники, удрученные наступившими черными днями въ русской общественной жизни и сочувствовавшіе лишь желчной и страстной щедринской сатирѣ, такъ властно бывшей по нашимъ напряженнымъ нервамъ, и не могли себѣ представить въ то время, что игривая жизнерадостность Чехова есть вполне естественная рѣзвость богатаго силами юноши, не знающаго ужасовъ жизни и не сознающаго еще своей крупной силы. Всѣ первые чеховскіе рассказы были ничто иное, какъ „проба пера“, какъ шалость пробуждавшагося, но еще не пробудившагося таланта. Развѣ не „проба пера“. напр., хотя-бы тотъ фактъ, что одинъ изъ своихъ рассказовъ онъ написалъ карандашемъ въ купальнѣ, лежа на полу, а затѣмъ положилъ въ конвертъ и бросилъ въ почтовый ящикъ, — и „литературное произведеніе“ состряпано? Развѣ это не шалость — сочиненіе нелѣпыхъ до чудовищности „разныхъ извѣстій“, которыя потомъ перепечатывались и обѣгали чуть не всѣ русскія газеты? Хотя и остроумная, но шалость, кстати,

такъ сказать, попутно, обнаружившая отчасти невѣжество, отчасти чисто ремесленную, механическую работу, но, главнымъ образомъ, погоню нашихъ газетныхъ дѣлъ мастеровъ за сенсациями, какъ-бы нелѣпы онѣ не были.

А вотъ и еще характерный эпизодъ о чеховскомъ легкомысліи по отношенію къ своей литературной дѣятельности.

— Знаете, какъ я пишу свои маленькіе рассказы?—разсказывалъ онъ В. Г. Короленко.—Вотъ...

„Онъ оглядѣлъ столъ, взялъ въ руки первую попавшуюся на глаза вещь,—это оказалась пепельница,—поставилъ ее передъ мною и сказалъ:

— Хотите, — завтра будетъ рассказъ, подъ заглавіемъ „Пепельница“?

И глаза его засвѣтились весельемъ. Казалось, надъ пепельницей начинаютъ уже биться какіе-то неопредѣленные образы, положенія, приключенія, еще не нашедшія своихъ формъ, но уже съ готовымъ юморстическимъ настроеніемъ“...

Несомѣнно, что Антонъ Павловичъ не сознавалъ еще тогда таящагося въ немъ таланта, и первые его рассказы походили не болѣе, не менѣе, какъ на остроумные анекдоты, охотно читались публикою, повторялись изустно и вращались въ публикѣ. А. С. Суворинъ, близко знавшій Чехова, разсказываетъ, напр., такой случай, когда на волжскомъ пароходѣ одинъ офицеръ сталъ разсказывать Антону Павловичу его же рассказы, увѣряя, что это случилось съ нимъ. офицеромъ, и его знакомыми... Впослѣдствіи и самъ Антонъ Павловичъ смотрѣлъ на первую свои произведенія съ такой-же несерьезной точки зрѣнія, и если они появились въ полномъ собраніи его сочиненій, изданномъ г. Маркомъ, то не его въ томъ вина, а все того же торгаша-издателя, пожелавшаго, къ великому неудоволь-

ствію Чехова, во что бы то ни стало напихать въ „полное собраніе“ какъ можно больше чеховскихъ сочиненій. Можетъ быть, съ издательской точки зрѣнія это было и весьма выгодно, но для репутаціи писателя, впервые выступившаго на такую широкую арену, какъ заманчивая для читающей публики приложенія къ „Нивѣ“, такое увеличеніе „полнаго собранія“ являлось рискованнымъ. И. какъ извѣстно, первая „приложенія“ Чехова, въ которыхъ печатались его юношескія произведенія вызвали вполне справедливыя нареканія среди многочисленныхъ подписчиковъ на „Ниву“. Если ихъ появленіемъ въ „полномъ собраніи“ не безъ горечи были удивлены образованные люди, и раиѣе, безъ посредничества г. Маркса, знакомые съ творчествомъ Чехова по нашимъ толстымъ журналамъ и отдѣльнымъ изданіямъ, то что могъ сказать тотъ читатель массы, который выписываетъ „Ниву“ изъ-за ея „приложеній“ и, благодаря этимъ „приложеніямъ“ за предшествовавшіе годы, успѣвшій уже ознакомиться съ произведеніями корифеевъ отечественной литературы? Въ теченіе многихъ лѣтъ этотъ читатель привыкъ къ настоящей, а не лубочной литературѣ, раиѣе преподносимой ему разными „дешевками“. Онъ научился понимать и цѣнить ея глубокое внутреннее содержаніе и художественныя красоты, и вдругъ ему даютъ какіе то веселенькіе анекдотки подъ фирмою писателя, произведенія котораго онъ раиѣе не читалъ, но о которомъ много зналъ изъ газетъ, какъ о выдающемся талантѣ!

— Удивляюсь, за что хвалятъ этого Чехова!—приходилось мнѣ слышать мнѣнія такихъ читателей, ознакомившихся изъ первыхъ „приложеній“ Чехова къ „Нивѣ“ лишь съ юношескими его произведеніями.—Правда, красиво, смѣшно, но гдѣ содержаніе, внутренній смыслъ, за что бы можно было провозглашать его крупнымъ талантомъ?

А отсюда слѣдовалъ быстрый выводъ, къ которымъ всегда такъ способенъ русскій человѣкъ: „Одна мода это! Реклама!“.

Реклама!—и это по отношенію къ Чехову, скромнѣйшему изъ русскихъ писателей, этой, можно сказать, воплощенной скромности! Конечно, „большой читатель“, впервые знакомящійся съ Чеховымъ, не зналъ этого и судилъ о немъ по примѣру прочихъ нашихъ современныхъ литературныхъ знаменитостей, одной частью нашей праздничноболтающей газетной печати возводимыхъ на Олимпъ, другой-же частью низводимыхъ въ полное ничтожество...

Можетъ быть, нѣкоторые изъ этихъ знаменитостей были и сами нескромны, но болѣе слѣдуетъ обвинять въ нескромности не этихъ писателей, а наши газеты, болтающія о нихъ всякіе пустяки, и правду, и неправду, что взбрѣдетъ только на умъ безшабашному газетному писакѣ, спѣшащему во что то ни стало повѣдать читателю „нѣкоторыя черты изъ жизни“ мало мальски выдающегося человѣка, о которомъ говорить или принято говорить въ обществѣ.

Вращаясь много лѣтъ въ самыхъ разнообразныхъ и широкихъ кругахъ провинціального общества, я убѣдился, какое удручающее, сбивающее съ толку впечатлѣніе производитъ подобный разноголосый газетный концертъ на „большого читателя“...

Первая книга, съ которой Антонъ Павловичъ предсталъ на судъ общества и критики, были его „Пестрые рассказы“, въ сущности и главнымъ образомъ, явившіеся сборникомъ его юношескихъ, преимущественно, юморстическихъ, произведеній. Это было въ 1886 году, въ разгаръ такъ называемыхъ восьмидесятыхъ годовъ,—тяжелое, „хмурое“ время въ жизни русской интеллигенціи. Старые идеалы терпѣли поражение, новые еще не только не были выработаны, но даже не намѣ-

чены. Началось такъ называемое „шатаніе русской мысли“, талантливѣйшій изобразитель и обличитель, котораго было тогда покойный Н. В. Шелгуновъ. Самыя разнообразныя, діаметрально-противоположныя теоріи росли со скоростію грибовъ и при томъ съ такою-же быстротой смѣнялись одна другою. Потерявшая почву мысль русскаго интеллигента того времени „шаталась“ изъ стороны въ сторону, какъ перекасти-поле по широкой степи подъ капризнымъ дуновеніемъ дующихъ съ разныхъ сторонъ вѣтровъ. И это умственное и нравственное шатаніе обнимало все, начиная съ ветхозавѣтныхъ Домостроевскихъ идеаловъ, приправленныхъ нѣмецкой дисциплиной, и со славянофильства и кончая толстовскимъ „непротивленіемъ злу“ и самими крайними социальными доктринами. Понятно, что такой разбродъ общественной мысли не могъ не вселить во многіе умы глубокаго пессимизма, приводившаго или къ полному отчаянію, близкому къ самоубійству, или къ примиренію и пошлой обыденщинѣ. Последняго рода пессимизмъ и породилъ тѣхъ „лишнихъ людей“, которыхъ такъ ярко и съ такою глубокой грустью охарактеризовалъ въ послѣдствіи Чеховъ. Но одновременно съ тѣмъ, рядомъ съ этими безвольными, но въ сущности все-же страдающими, духовно „лишними людьми“, гордо подняла голову и „торжествующая свинья“, авторитетно заявившая о „несостоятельности наукъ“ и признавшая „забытыми словами“ всѣ тѣ великіе идеалы, которыми жила еще такъ недавно русская интеллигенція и во имя которыхъ совершилось все великое въ Россіи... Среди безвольныхъ „лишнихъ людей“ нашлись покладистые субъекты, которые или „страха ради іудейска“, или по легкомыслію, или просто по отсутствію яснаго и опредѣленнаго міросозерцанія, стали вторить и поддакивать провозглашеніемъ „торжествующей

свиньей" „истинамъ"... И эта группа людей мало-по-малу росла и завоевывала себѣ общественное положеніе. Провозглашая чистое искусство и борясь съ такъ называемой тенденціозностью, она сама была глубоко тенденціозна, но въ опредѣленномъ, желательномъ только ей направленіи. Возставая противъ учителя и проповѣдничества, она бралась не только за учительство и проповѣдничество, но и стремилась получить по этой отрасли нравственнаго воздѣйствія исключительную монополію. Она на своемъ знамени ставила весьма опредѣленные идеалы, но, подъ видомъ проведенія въ жизнь этихъ идеаловъ, въ сущности стремилась лишь къ безшабашной вакханаліи и въ самомъ лучшемъ случаѣ—къ буржуазному, безмятежному и самодовольному житію. Понятно, что при такихъ общественныхъ условіяхъ „Пестрые рассказы" нашли читателя, но въ передовой критикѣ, вѣрной прежнимъ литературнымъ преданіямъ, были встрѣчены,—и не безъ основанія,—весьма сурово. Да и въ самомъ дѣлѣ, до беззаботнаго-ли веселья и шутокъ, которыми переполнены „Пестрые рассказы", было истинно-интеллигентному человѣку въ тѣ годы разрушенія всяческихъ надеждъ?

Второй сборникъ („Въ сумеркахъ") вышелъ въ слѣдующемъ году и обнаружилъ въ авторѣ нѣсколько иное настроеніе, свидѣтельствовавшее, что Антонъ Павловичъ сталъ приздумываться надъ явленіями жизни и находить ихъ далеко не веселыми, а вмѣстѣ съ тѣмъ, на сколько мнѣ извѣстно, и отношенія его къ своей литературной дѣятельности значительно измѣнились. Онъ, какъ и въ послѣдствіи, до печальнаго конца своей жизни, не стремился, конечно, учительствовать и проповѣдывать, но сталъ уже смотрѣть на литературу не какъ на источникъ существованія, а какъ на серьезное общественное служеніе.

И самъ Антонъ Павловичъ, и

его семья не могли не замѣтить,—говорить въ своей интересной и художественной замѣткѣ В. Г. Короленко,—что въ рукахъ Антоши не просто забавная и отчасти полезная для семьи игрушка,—но великая драгоценность, обладаніе которой можетъ сказаться очень отвѣтственно. Кажется, въ то время была уже напечатана „Святою ночью", чудная картинка, проникнутая глубоко захватывающей, обаятельной грустью, еще примиряющей и здоровой, но уже какъ-то небо отъ земли удаленной отъ безпредметно смѣшиваго настроенія большинства „Пестрыхъ" рассказовъ". И въ лицѣ Чехова, недавняго беззаботнаго сотрудника „Осколковъ", проступало какое-то особенное выраженіе, которое встарину называли бы „первыми отблесками славы"... „Я помню—продолжаетъ г. Короленко,—что въ словахъ матери, видимо счастливой и гордившейся успѣхомъ сына, звучали уже грустныя ноты. Мы говорили съ Антономъ Павловичемъ о позѣдкѣ въ Петербургъ и о томъ, гдѣ тамъ встрѣтятся, и г-жа Чехова сказала со вздохомъ:

— Да, мнѣ кажется, что Антоша теперь уже не мой...

„Какъ это часто бываетъ, у матери было вѣрное предчувствіе",—замѣчаетъ г. Короленко.

„Въ сумеркахъ", а потомъ „Хмурые люди" (въ послѣднемъ сборникѣ, между прочимъ, появилась знаменитая „Степь",—это чудное, полное высокой художественной прелести, произведеніе) обратили на себя вниманіе уже наиболѣе серьезныхъ читателей и послужили началомъ къ будущей славѣ писателя. Въ нихъ уже прозвучали аккорды чеховской грусти о „лишнихъ людяхъ" и ихъ безотрадной, тоскливой жизни... Однако, покойный Н. К. Михайловскій и къ этимъ книгамъ Чехова отнесся не менѣе сурово, укоряя его въ безпринципности. Такое отношеніе со стороны знаменитаго критика-публициста было

теперь, конечно, нѣсколько одностороннимъ, но, мнѣ кажется, оно являлось все же не столько укоромъ молодому, отмѣченному несомнѣннымъ талантомъ писателю въ невѣрномъ освѣщеніи дѣйствительности, сколько крикомъ боли и отчаянія, вырвавшимся невольно изъ наболѣвшей груди стараго борца, принужденнаго силою обстоятельствъ признать, что тяжелая и продолжительная борьба окончилась поражениемъ, что великіе идеалы и завѣты попораны, что жизнь выдвинула на арену вмѣсто ожидаемыхъ сильныхъ, свѣжихъ и энергичныхъ такую массу безвольныхъ, ноющихъ, „лишнихъ людей“... Впрочемъ, почти одновременно со статьей Михайловскаго о Чеховѣ появилась статья А. М. Скабичевскаго: „Есть ли идеалы у Чехова“, въ которой критикъ на поставленный самому себѣ вопросъ отвѣтилъ вполне утвердительно, что у Чехова есть идеалы, но что онъ бытописатель отрицательныхъ явленій русской жизни. И этотъ взглядъ на творчество Чехова крѣпко утвердился не только среди русской образованной публики, не только во всей отечественной критикѣ, такъ какъ впоследствии сталъ его раздѣлять до нѣкоторой степени и Н. К. Михайловскій, послѣ выхода полнаго собранія сочиненій Чехова понявшій и оцѣнившій всю силу и мощь его таланта, но проникъ онъ и въ западно-европейскую критику, признавшую въ Чеховѣ законнаго наследника Гоголя.

Мельхюр де-Вогюе, напр., находить въ творествѣ Антона Павловича весьма яркіе слѣды вліянія Гоголя, Тургенева и Гюи-де-Мопассана. Подъ вліяніемъ безсмертнаго творца „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, Чеховъ воспиталъ въ себѣ веселый жанръ юморъ, составляющій въ сущности особенность не только юношескихъ, но и всѣхъ его произведеній. Если вначалѣ этотъ юморъ имѣлъ совершенно

безобидный характеръ и заключался въ невинномъ вышучиваніи курьезныхъ явленій жизни, то въ послѣднихъ произведеніяхъ юмористическія сцены заставляютъ серьезно и глубоко задумываться, скрывая за видимымъ смѣхомъ невидимыя слезы писателя... Тургеневъ сообщилъ чеховскому таланту умѣнье писать съ особой, чисто тургеневскою нѣжностью, акварельностію рисунка и романтичностью настроенія. Чеховскіе женскіе типы такъ же прекрасны, какъ и тургеневскіе, хотя и безъ героическаго оттѣнка; но, не смотря на это, не смотря на ихъ иерѣдное паденіе, они ближе къ нашей дѣйствительности, къ нашему нейрастическому времени. Женщины Чехова въ сущности тѣ же безвольные „лишніе люди“, какъ и мужчины, но съ болѣе нѣжной, экспансивной натурой, съ большей чувствительностію къ окружающей пошлости и большимъ стремленіемъ къ подвигу и обновленію... Съ Тургеневымъ роднитъ Чехова и его пессимизмъ, развившійся, впрочемъ, по мнѣнію французскаго критика, подъ вліяніемъ уже Гюи-де Мопассана. Французскому новелисту Чеховъ между прочимъ обязанъ краткостью разсказовъ. Подобно Мопассану, Чеховъ обладаетъ необычайной способностію изображать убійственное дѣйствіе времени, кратковременность благихъ порывовъ, уничтоженіе былыхъ чувствъ и происходящую отсюда метаморфозу отношеній въ человѣческомъ обществѣ.

Но прежде чѣмъ критики признали въ Антонѣ Павловичѣ великаго художника, произведенія котораго характеризуютъ если не всѣ, то, во всякомъ случаѣ, существеннѣйшія черты жизни русскаго общества конца XIX вѣка, Чеховъ сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ русскихъ писателей. Подъ вліяніемъ такого успѣха, а главное, сознавая, какую нравственную отвѣтственность передъ обществомъ и литературою возлагаетъ на него

талантъ, Антонъ Павловичъ совершенно бросилъ прежній жанръ ие-большихъ газетныхъ очерковъ и сталъ работать въ ежемѣсячныхъ журналахъ: „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, „Русской Мысли“ и позднѣе въ „Жизни“. И, дѣйствительно, крупный успѣхъ и полное признаніе Чехова начинается съ момента напечатанія первыхъ его большихъ разсказовъ въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“. Съ этого времени всякимъ новымъ его произведеніемъ общество зачитывалось. Популярность Антона Павловича росла со сказочной быстротой и скоро перешла черезъ рубежъ родной земли, создавъ ему имя мирового писателя. Во время этого расцвѣта его литературной славы появляются наиболѣе крупныя его произведенія: „Палата № 6“, „Моя жизнь“, „Мужики“, „Скупная исторія“, „Человѣкъ въ футлярѣ“ и пр.

Въ послѣдніе годы Антонъ Павловичъ писалъ не много, хотя, между прочимъ, въ „Журналѣ для всѣхъ“ и появились его прелестные разсказы: „Архіерей“ и „Невѣста“.

Огромная популярность Чехова выразилась въ томъ, что всѣ его сборники выдержали очень много изданій: такъ „Пестрые разсказы“ имѣли 14 изданій, „Въ сумеркахъ“—13, „Хмурые люди“—10, „Разсказы“—13, „Палата № 6“—и „Каштанка“—по 7 изданій. Въ 1901—1902 г.г., А. Ф. Марксъ, какъ выше уже сказано, издалъ полное собраніе сочиненій А. П. Чехова въ 10 томахъ: тоже собраніе давалось въ качествѣ приложенія къ „Нивѣ“ на 1903 годъ.

Значительно позже Антонъ Павловичъ сталъ писать драматическія произведенія. Кромѣ одноактныхъ шутокъ („Медвѣдь“, „Предложеніе“, „Трагикъ по неволѣ“, и др.),—этихъ блестящихъ, нѣсколько шаржированныхъ вещицъ, не сходящихъ, однако, до сихъ поръ со сцены, онъ далъ нѣсколько крупныхъ произведеній, поставившихъ его въ ряду лучшихъ русскихъ дра-

матурговъ. Если въ разсказахъ Чехова нѣкоторые критики, особенно иностранные, находятъ признаки вліянія другихъ великихъ писателей, то въ драмѣ и комедіи онъ совершенно оригиналенъ, при чемъ какъ въ разсказахъ, такъ и въ драматическихъ произведеніяхъ онъ по прежнему является изобразителемъ все той-же будничной жизни съ ея пошлостью мелочностью и суетностію. Первымъ крупнымъ драматическимъ произведеніемъ Чехова былъ „Ивановъ“,—пѣса, впрочемъ, не имѣвшая успѣха на сценѣ. Что-же касается „Дяди Вани“, „Чайки“ и „Трехъ сестеръ“, то они имѣли выдающійся успѣхъ, а первому представленію послѣдней его драмы „Вишневый садъ“ суждено было обратиться въ грандіозное чествованіе Антона Павловича. Въ 1890 г. Чеховъ отправился на Сахалинъ, и вынесенныя имъ изъ этой интересной поѣздки впечатлѣнія имѣли живой отголосокъ въ статьяхъ, напечатанныхъ въ „Русской Мысли“, которые потомъ появились отдѣльнымъ изданіемъ („Островъ Сахалинъ“). Съ начала 1903 г. Антонъ Павловичъ вошелъ въ составъ редакціи журнала „Русская Мысль“. Въ 1900 г. при первыхъ-же выборахъ въ Пушкинское отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ онъ, вмѣстѣ съ графомъ Л. Н. Толстымъ, В. Г. Короленко и др., былъ избранъ почетнымъ академикомъ.

Заканчивая о фактической, такъ сказать, сторонѣ литературной дѣятельности А. П. Чехова, нахожу не безынтереснымъ подчеркнуть наиболѣе интересное мѣсто въ отмѣченной уже въ іюльской книжкѣ нашего журнала чеховской „автобіографіи“, свидѣтельствующее, какъ далека великій писатель отъ пресловутой и столь модной „въ концѣ вѣка“, несостоятельности науки“.

„Не сомнѣваюсь,—пишетъ Чеховъ,—занятія медицинскими науками имѣли серьезное вліяніе на мою литературную дѣятельность; они

значительно раздвинули область моихъ наблюдений, обогатили меня знаніями, истинную цѣну которыхъ для меня, какъ для писателя, можетъ понять только тотъ, кто самъ врачъ; они имѣли также и направляющее вліяніе, и, вѣроятно, благодаря близости къ медицинѣ, мнѣ удалось избѣжать многихъ ошибокъ. *Знакомство съ естественными науками, съ научными методами всегда держало меня насторожѣ, и я старался, гдѣ было возможно, соотнобщать съ научными данными, а гдѣ невозможно, предпочиталъ не писать новсе*“... *Къ беллетристамъ, относящимся къ наукѣ отрицательно, я не принадлежу; и къ тѣмъ, которые до всего доходятъ своимъ умомъ, не хотѣлъ-бы принадлежать*“...

Знаменательныя строки, рѣшительно опровергающія стремленія извѣстнаго литературнаго лагеря признать его „своимъ“... Впрочемъ, объ этомъ ниже.

Послѣ поѣздки на Сахалинъ Антонъ Павловичъ много путешествовалъ по Западной Европѣ, но его постоянно тянуло на родину. Къ Петербургу, какъ онъ это мнѣ не разъ говорилъ, Чеховъ относился довольно холодно, но Москва была его любимымъ городомъ, въ которомъ онъ желалъ бы имѣть постоянное жительство. Но отъ этой завѣтной мечты пришлось отказаться, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, и постоянно жить, вмѣстѣ со старушкой-матерью, въ своей усадьбѣ подъ Ялтою, изрѣдка лишь наѣзжая въ Москву, гдѣ у него было такъ много друзей и гдѣ, наконецъ, его жена, даровитая артистка О. Л. Книпперъ, занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ въ знаменитой группѣ не менѣе знаменитаго московскаго „Литературно-художественнаго кружка“ (Станиславскаго).— того самаго театра, на сценѣ котораго такъ образцово ставились всѣ чеховскія пьесы.

Здоровье Антона Павловича было

давно уже разстроено, и всѣмъ близкимъ людямъ было небезызвѣстно, что онъ страдаетъ чахоткой. Впрочемъ, какъ врачъ, Чеховъ и самъ зналъ свой тяжелый недугъ.

Уже въ самомъ началѣ 1904 года состояніе здоровья Антона Павловича значительно ухудшилось, такъ что въ первыхъ числахъ іюня, по совѣту врачей, онъ уѣхалъ, въ сопровожденіи своей жены Ольги Леонардовны, для лѣченія въ курортъ Баденвейлеръ (въ Германіи). Почти тотчасъ-же по приѣздѣ онъ писалъ редактору „Русскихъ Вѣдомостей“, что чувствуетъ себя превосходно...

„Здоровье мое поправляется, входитъ въ меня пудами, — писалъ Чеховъ, — ноги уже давно не болятъ, точно и не болѣли, ѣмъ я по многу и съ аппетитомъ; осталась только одышка отъ аневризмы и слабость отъ худобы, приобретенной мною за время болѣзни. Лѣчить меня здѣсь хорошій врачъ, умный и знающій. Это—д-ръ Schwögen, женатый на нашей московской Ж-го. Badenweiler—очень оригинальный курортъ, но въ чемъ его оригинальность, я еще не уяснилъ себѣ. Масса зелени, впечатлѣніе горъ, очень тепло, домики и отели, стоящіе особнякомъ, въ зелени. Я живу въ небольшомъ особнякѣ — пансіонѣ съ массой солнца (до 7-ми час. вечера) и великолѣпнымъ садомъ, платимъ 16 марокъ въ сутки за двоихъ (комната, обѣдъ, ужинъ, кофе). Кормятъ добросовѣстно, даже очень. Но воображаю, какая здѣсь скука вообще. Кстати, сегодня съ утра идетъ дождь, я сижу въ комнатѣ и слушаю, какъ подъ и надъ крышей гудитъ вѣтеръ“...

А черезъ три недѣли послѣ этого жизнерадостнаго письма Ольга Леонардовна Чехова телеграфировала редактору „Русскихъ Вѣдомостей“, что супругъ ея 2 іюля, въ три часа ночи, внезапно скончался отъ упадка сердечной дѣятельности...

Изъ Баденвейлера прахъ покойнаго писателя, въ сопровожденіи

убитой горемъ жены, прослѣдовалъ черезъ Берлинъ и Петербургъ въ Москву. По несчастной случайности на Варшавскомъ вокзалѣ, въ Петербургѣ, его встрѣтили лишь газетные репортеры, да небольшая кучка почитателей, тоже случайно узнавшихъ о днѣ и часѣ прибытія въ сѣверную столицу праха дорогого писателя. Здѣсь съ Чеховымъ чуть не случилось обычная у насъ, на Руси, исторія, — исторія, свидѣтельствующая о томъ, какъ цѣнимъ и чтимъ мы великихъ людей, гордость и славу нашего отечества, особенно если они не занимаютъ официальнаго положенія... Для дальнѣйшаго слѣдованія въ Москву гробъ Чехова, съ возложенными на него вѣнками, желѣзнодорожная администрація распорядилась было изъ заграничнаго вагона перенести въ грязный товарный вагонъ. Благодаря только личному вмѣшательству министра путей сообщенія М. И. Хилкова, случайно бывшаго на Варшавскомъ вокзалѣ и присутствовавшего на панихидѣ по Чеховѣ, гробъ съ прахомъ великаго писателя отправился въ древнюю столицу въ томъ же вагонѣ, въ которомъ онъ прибылъ въ Петербургъ изъ-за границы.

9 іюля Москва, любимый городъ Антона Павловича, — городъ, въ которомъ онъ учился, въ которомъ провелъ лучшіе годы жизни, который первый оцѣнилъ его, какъ человека и писателя, въ которомъ онъ встрѣтилъ, въ лицѣ талантливѣйшей исполнительницы его же драматическихъ произведеній преданнѣйшую и безумно-любящую его подругу жизни, — Москва съ сосредоточенной торжественностію и глубокой скорбью приняла дорогой прахъ его и проводила въ мѣсто вѣчнаго упокоенія, и въ этихъ про водахъ мысленно участвовала не только вся мыслящая, но и вся начинающая мыслить Россія!

Онъ умеръ, „пѣвецъ нашихъ сумеречныхъ дней“, умеръ въ расцвѣтѣ умственныхъ силъ и таланта,

можетъ быть, далеко еще не достигнувъ вершины доступнаго его духовной мощи совершенства... Злой недугъ тѣла подрѣзалъ силу души и работу мысли. Какъ и многое цѣнное и великое въ нашей странѣ, судьба сокрушила его жизнь въ тотъ самый моментъ, когда цѣнность этой жизни была установлена и когда надежда на еще большее была несомнѣнна...

Прослѣдивъ, на сколько это было для насъ доступно, всю жизнь Антона Павловича Чехова, въ ея наиболѣе важныхъ моментахъ, съ неизбѣжными, по нашему мнѣнію, отступленіями въ сторону, намъ остается подвести теперь итоги и опредѣлить: что онъ далъ, какое его положеніе въ отечественной литературѣ и какое его значеніе въ исторіи развитія нашей интеллектуальной и общественной жизни.

Нѣкоторые критики и публицисты извѣстнаго направленія ставятъ въ похвалу Чехову, что онъ былъ чуждъ учительства и проповѣдничества. По своей натурѣ и по характеру своего таланта, Чеховъ и не могъ, и не умѣлъ ни учительствовать, ни проповѣдывать, иными словами, въ немъ не было того, что такъ естественно и понятно въ такихъ беллетристахъ-публицистахъ, какъ Салтыковъ или Глѣбъ Успенскій, большихъ художниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по свойству своей натуры и темперамента, не способныхъ объективно относиться къ явленіямъ жизни и потому стремившихся не только перечувствовать эти явленія, но изслѣдовать ихъ и даже указать, по ихъ мнѣнію, наиболѣе лучшіе способы борьбы съ тѣми изъ жизненныхъ явленій, которыя казались имъ идущими въ разрѣзъ съ основами человеческого счастья. Мало того, Чеховъ не могъ бы даже такъ анализировать жизнь и давать оцѣнку ея явленіямъ, какъ это дѣлаетъ Короленко въ своихъ произведеніяхъ, безъ всякаго ущерба для ихъ художественности. Не об-

ладая публицистическимъ даромъ и не будучи писателемъ-гражданиномъ,—въ послѣднемъ случаѣ уже въ силу субъективныхъ особенностей своей натуры,—онъ не примкнулъ ни къ одному опредѣленному направлению, а оставался въ теченіе всей своей литературной дѣятельности исключительно такъ называемымъ чистымъ художникомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не былъ тѣмъ чистымъ художникомъ, какъ понимаются чистые художники у насъ публицистами извѣстнаго литературнаго лагеря. Выйдя изъ здоровой среды простого народа, гдѣ мечтательность и отвлеченность, какъ-бы онъ не были красивы, не понимаются и не признаются, гдѣ взглядъ на жизнь простъ и весьма серьезенъ, иногда до аскетизма, воспитанный въ строгой, трудовой и практической обстановкѣ, онъ не могъ, уже въ силу ихъ практической непроизводительности, обратиться въ пѣвца однихъ лишь красотъ природы, пріятныхъ или непріятныхъ, можетъ быть, и весьма тонкихъ ощущений, онъ не могъ рисовать картины нехарактерной или исключительной жизни отдѣльныхъ лицъ, безъотносительно, живутъ-ли они въ Россіи или въ центральной Африкѣ, въ концѣ ли XIX вѣка или во времена Рамзеса Великаго... Впрочемъ, въ началѣ своей литературной дѣятельности, на которую онъ самъ еще не смотрѣлъ серьезно и когда онъ былъ лишь жизнерадостнымъ и беззаботнымъ юношей, онъ, пожалуй, приближался къ такому типу чистаго художника. Вѣроятно, его талантливое легкомысліе, его неподражаемый юморъ, такъ ярко проявляющійся даже въ самыхъ раннихъ его произведеніяхъ и свидѣтельствовавшій о незаурядномъ дарованіи, и привлекли къ нему симпатіи вообще не терпимаго даже къ крупнымъ талантамъ извѣстнаго литературнаго лагеря, смотрящаго на чистое искусство съ своеобразной „русской“ точки зрѣ-

нія. Вслѣдствіе наслѣдственно и воспитаніемъ усвоеннаго взгляда на жизнь, а также серьезнаго, строго-научнаго образованія, которое дается медицинскимъ факультетомъ, онъ не сдѣлался пѣвцомъ красотъ природы, золотыхъ грезъ и отвлеченныхъ радостей и горя и не могъ навсегда остаться безпредметнымъ шутникомъ-юмористомъ, увеселяющимъ своимъ балагурствомъ сытыхъ людей.... А вмѣстѣ съ тѣмъ, когда жизнь открыла ему глаза на дѣйствительность и сильно охладила его жизнерадостность, онъ, какъ вышедшій не изъ болѣзненно-барской, а здоровой и трудовой среды, какъ умный и честный человекъ, не могъ уже смѣяться ради смѣха, когда жизнь даетъ лишь матерьялъ для плача или негодованія... По тѣмъ-же причинамъ онъ не могъ принять программу и „русской“ точки зрѣнія на чистое искусство, заключающейся въ томъ, чтобы такъ называемый чистый художникъ, служа искусству для искусства, въ сущности шекоталъ буржуазные нервы или содѣйствовалъ пищеваренію сытаго желудка. Впрочемъ по той же „программѣ“, если художникъ, наскучившись смѣяться или вдохновенно бряцать на лирѣ, проявитъ желаніе приподнять завѣсу и взглянуть на дѣйствительную жизнь, то это ему не возбраняется, лишь-бы онъ изображалъ эту жизнь „какъ она есть“, не мудрствуя лукаво... Въ сущности требованіе воплотить законное, но только дѣло-то въ томъ, что программа „русской“ точки зрѣнія подъ опредѣленіемъ „какъ она есть“ разумѣетъ не то, что художникъ постигнетъ своимъ художественнымъ чутьемъ и создастъ во имя свободнаго творчества, а то, что полагается изобразить тою-же программой. Вообще представители извѣстнаго литературнаго лагеря противъ „направленства“ въ художественныхъ произведеніяхъ, но коль скоро „направленство“, какъ я уже ранѣе это говорилъ, соотвѣт-

ствуешь их стремленіямъ и задачамъ, то они находятъ, что это такъ и быть должно...

Возвратимся, однако, къ творчеству Чехова. Чеховъ, повторяемъ, былъ чистый художникъ безъ малѣйшей тѣни публицистики, не учительствующій, не проповѣдующій, не анализирующій даже, не подводящій въ своихъ произведеніяхъ никакихъ итоговъ изображаемому имъ явленію жизни. Во всѣхъ его произведеніяхъ вы почти не чувствуете присутствія художника, вы лишь видите набросанныя его мастерской кистью картины. Но не зная его мнѣнія объ изображаемомъ имъ, вы невольно, помимо вашихъ субъективныхъ впечатлѣній отъ этого изображаемаго, поддаетесь какому-то чувству тихой грусти и, только мало-малыски вдумавшись, вы начинаете понимать, что эта-то тихая грусть и есть то единственное субъективное, которое передается вамъ отъ автора. И эта тихая чеховская грусть способна дѣйствовать на читателя сильнѣе любого горячаго и желчнаго обличенія. Она свидѣтельствуетъ, что авторъ стоитъ не въ сторонѣ, подобно бичующему человѣческія страсти и слабости пророку Іереміи, а среди изображаемыхъ имъ людей, онъ радуется ихъ радостями, онъ плачетъ ихъ слезами, онъ болѣетъ за нихъ... А болѣть есть за что! Бесиліе смутныхъ порывовъ, жажда свѣтлыхъ идеаловъ, ничтожество тѣхъ интересовъ, среди которыхъ приходится жить, угрюмая озлобленность стариковъ, пережившихъ свои вѣрованія, вялая аиеничность молодежи, не знающей своей дороги, то отчаянная вспышка, то жалкія безсильныя рыданія, на мигъ, на одинъ только мигъ румянецъ силы и страсти и тотчасъ-же понуренная голова и опущенныя руки,—вѣдь это тотъ самый ужасъ, который еще такъ недавно переживала, да и теперь отчасти переживаетъ значительная часть русской интеллигенціи! Авторъ

ни слова не говоритъ намъ объ этомъ, но мы сами, вдумавшись въ его произведенія, невольно оглядываемся назадъ и начинаемъ понимать, что весь этотъ кошмаръ — наслѣдіе „конца вѣка“ и. главнымъ образомъ, тѣхъ самыхъ 80-тыхъ годовъ, когда большинство русскихъ интеллигентныхъ людей, послѣ періода надеждъ и даже твердой увѣренности,—хотя и тогда общественная жизнь была далеко не красна,—вдругъ почувствовало свое банкротство передъ реальнымъ ходомъ исторіи, рѣзко и весьма ощутительно доказавшимъ, какъ безгранично-громадно разстояніе между идеалами интеллигенціи и мрачно-сѣрымъ, безпросвѣтнымъ фономъ живой русской дѣйствительности....

Такимъ образомъ, какъ Гоголь далъ намъ картину нравовъ русскаго общества 20 и 30-хъ годовъ, Тургеневъ—40, конца 50, 60 и частью 70-хъ, такъ точно и Чеховъ обрисовалъ настроеніе значительной части русской интеллигенціи „конца вѣка“ и отчасти первыхъ годовъ XX столѣтія. Интересно, что эти три бытописателя русской жизни почти за цѣлое столѣтіе дали намъ по преимуществу одни только отрицательные типы. У Гоголя мы встрѣчаемъ однихъ лишь пошляковъ, чудаковъ и негодяевъ, у Тургенева, главнымъ образомъ „лишнихъ людей“, у Чехова опять-же „лишнихъ людей“ или тѣхъ-же, что и у Гоголя пошляковъ и чудаковъ.... Впрочемъ, у Тургенева встрѣчаются и положительные типы, въ особенности среди женщинъ; встрѣчаются они и у Чехова, но это—самые обыкновенные смертные, которые упорно, хотя и незамѣтно, проводятъ въ жизнь добрыя начала, которыми надѣлила ихъ судьба, напр., докторъ Астровъ въ „Дядѣ Вани“. Встрѣчаются положительные типы и у другихъ выдающихся русскихъ писателей этого длиннаго періода, но тѣмъ не менѣе преобладаніе отрицательныхъ типовъ надъ положительными въ

русской беллетристики прямо поразительное! Несомненно, что въ основѣ русской жизни лежатъ такія условія, которые содѣйствуютъ этому печальному явленію, при чемъ, за незначительными видоизмѣненіями, условія эти въ сущности одинаковы, какъ въ 20, 30 и 40-хъ годахъ, такъ и „въ концѣ вѣка“. Есть отъ чего придти въ отчаяніе и усумниться въ предсказаніи Короленки, что „впереди все такі огоньки“...

Впрочемъ, въ послѣднихъ произведеніяхъ Чехова, какъ и вообще во всей русской жизни, чувствуется уже робкая надежда... А онъ былъ чуткій писатель! Постараемся-же положиться на эту надежду, несмотря на то, какъ-бы злобно не хохотало надъ нами прошлое, въ которомъ такъ много похоронено несбывшихся надеждъ... Итакъ будемъ не только надѣяться и вѣрить, но и работать, чтобы надъ захламленной землей взошло яркое солнце. И яркіе, теплые лучи его разгонятъ паразитовъ, блаженствующихъ лишь во мракѣ, и согрѣютъ они не только сильныхъ, бдящихъ на стражѣ, но и „лишнихъ“ и „бывшихъ“ людей, а вмѣстѣ тѣмъ просвѣтятъ и дадутъ вздохнуть полной грудью подавленнымъ вѣковой тьмой, тѣмъ въ сущности крѣпкимъ и здоровымъ, какъ сталь, „низамъ“, которые давали „то и знай“, подобныхъ Чехову, Горькому, Кольцову, Ломоносову и многимъ другимъ великимъ „простецамъ“

Столько славныхъ, благородныхъ,
Чистыхъ любящей душой
Посреди пустыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой.

И воспрянуть „лишніе и бывшіе“ люди, и найдутъ въ жизни и свой трудъ, и свою долю. И не станутъ биться въ страшныхъ нравственныхъ

мукахъ среди пошлой обыденщины милыхъ, симпатичныхъ „три сестры“. Свалится гора съ ихъ плечъ, просвѣтлѣютъ ихъ истомившіяся сердца, и не надо имъ рваться туда, въ даль, „гдѣ насъ нѣтъ“, „въ Москву, въ Москву“... Найдется имъ самостоятельная, хорошая работа по сердцу и тамъ, гдѣ онѣ изнывали въ тоскѣ и безплодно тратили свои силы, остававшіяся безъ примѣненія, и встрѣтятъ ихъ избранники, не пьяные и истрепанные неврастеники, а бодрые, свѣжіе, энергичные... и пойдутъ онѣ съ ними рука объ руку на самостоятельный, свободный, любимый трудъ, чтобы завоевать и для себя, и для своего грядущаго потомства такъ жадно желаемое счастье, — эту вечную цѣль человѣческихъ стремлений... Но какъ-бы ни были широки открывшіеся передъ ними горизонты, пусть онѣ иногда оглядываются туда, назадъ, на оставшееся позади прошлое. Много тамъ ужаса, много жертвъ, но тамъ остались тѣ, которые своимъ умомъ, талантами, трудами, любовью, страданіями сковали фундаментъ для грядущаго счастья. И вотъ предъ ихъ умственными очами изъ туманной дымки прошедшаго возстанутъ свѣтлыя тѣни Радищева, Пушкина, Гоголя, „неистоваго“ Виссаріона, Тургенева и многихъ другихъ, а въ томъ числѣ и грустный образъ Антона Чехова, показавшаго язвы, но и подававшего робкую надежду... Но не смутится духъ ихъ, если вдругъ среди этихъ великихъ образовъ выглянетъ искаженное челоуконенавистничествомъ лицо какого-нибудь Булгарина.... Сынамъ мрака не потушить на небѣ яркаго солнца среди сіянія лнкующаго дня...

Николай Васильевъ.

